

Включение России в мейнстрим исторического процесса и его последствия

Смоей точки зрения, главное в ряду наших трансформаций — не политическая сторона и даже не рыночные реформы, а *преодоление страной исключительности и самоизоляции, воссоединение с мейнстримом исторического процесса*. Все остальное, в том числе социально-психологические и культурные перемены, вторично.

Но воссоединение с мейнстримом означает, кроме всего прочего, что на нас со всей силой начали воздействовать процессы глобализации. Они берут нас в жесткие шоры, и именно это, на мой взгляд, будет прежде всего определять будущее России. Я имею в виду даже не выбор между демократией и диктатурой, хотя мировое общественное мнение несомненно поставит некоторый предел ужесточению авторитаризма в нашей стране, и это важно. Но еще важнее другое: глобализационные процессы, как известно, резко обостряют конкуренцию за "место под солнцем", каждая страна стремится найти свою нишу в мировом экономическом раскладе.

Наша теперешняя ниша, которая, возможно, закрепится за нами со вступлением в ВТО, — это сырьевая база, сырьевой придаток ведущих стран. Наш интеллектуальный потенциал, которым традиционно сильна Россия, своими достижениями в основном обслуживает научно-техническое развитие зарубежных стран. Но такая его роль влечет за собой определенную модель общества, которую, вероятно, можно назвать "латиноамериканской": узкая прослойка элиты, интегрированная в мировую экономику, очень ограниченный по своим масштабам средний класс, в основном связанный с этой элитой, огромный разрыв в материальном и социальном положении между "верхами" и "низами". Если "верхи" включены в процесс глобализации как субъект, то остальное население в лучшем случае является его объектом, а в худшем — вообще маргинализуется.

Можно ли изменить эту ситуацию, обеспечив нашей стране и нашему обществу иную, более достойную перспективу?

К сожалению, приходится констатировать парадокс: мотором либеральных преобразований были как раз те группировки элиты,

которые связаны с экспортно-сырьевой ориентацией нашей экономики. Сейчас они добились своего, достигли в общем устраивающего их положения и поэтому переходят на консервативные позиции. Правда, одновременно в элите и особенно на самом верху власти время от времени наблюдаются слабые позывы в ином направлении: появляются заявления о необходимости преодолеть сырьевую направленность нашего экспорта, поощрять инновационное развитие, стимулировать развитие науки, образования, мелкого и среднего бизнеса и т.п.

Откуда эти позывы в нашей консервативной элите? Что их мотивирует?

Вероятно, это проявление известной дальновидности, попытки встать над сегодняшними частными интересами, озабоченность сохранением роли России в мире. Действительно, трудно представить себе величие и даже просто самостоятельную роль на мировой арене страны, экономика которой в информационный век зиждется на экспорте сырья, а уровень жизни основной части населения на порядок ниже, чем в западном мире.

Возможно, эта дальновидность иного рода и продиктована опасениями насчет вероятных социальных потрясений, которыми чреват катастрофический разрыв в жизненном уровне между "верхами" и "низами". Не исключено также, что присутствуют оба этих мотива одновременно.

Но как бы то ни было, позывы эти в основном остаются благими порывами. Они гасятся, как только речь идет о том, чтобы перейти от слов к делу. Можно вспомнить, во что превращаются почти все наши реформы, задуманные как шаги к созданию более свободного, более рыночного, более современного общества. И происходит это уже зачастую на стадии разработки и наверняка на стадии исполнения. Меры по облегчению положения мелкого бизнеса в итоге накладывают на него новое бремя. Жилищно-коммунальная реформа приобретает чисто фискальный характер и способна нанести новый тяжелый удар не только по малоимущим, но и по только что зарождающемуся среднему классу. Декларации о поддержке науки сводятся к фарсу нежеланием предоставить налоговые льготы научным городкам, общим ужесточением налогового режима для научных институтов, предстоящей отменой их права на безвозмездное пользование земельными участками и прежде всего отказом довести в обозримом будущем (вплоть до 2010 г.) ассигнования на науку до законных 4% от бюджета. Подобное перечисление можно продолжать бесконечно.

Все совершенно понятно: наиболее сильные группировки элиты, по сути, не заинтересованы в изменении складывающейся экономической, а значит, и социальной модели. Вязкое сопротивление бюрократии, как это уже часто бывало в истории России, гасит реформаторские порывы.

Конечно, это не означает, что невозможны никакие частные улучшения. Не исключены и некоторое упорядочение корпоративных правил управления, и мелкие корректировки административной системы, и даже известная модернизация суда. Все эти в общем позитивные меры не идут, однако, в разрез со складывающимися монопольно-бюрократическими порядками и в чем-то даже отвечают интересам господствующего слоя. Единственное, чего нельзя добиться с их помощью, — это изменить сам тип развития социально-экономических отношений, на страже которого стоят мощные инерционные силы. А следовательно, ниша России в мировом раскладе останется прежней.

Реальная заявка на иное, более благоприятное положение России в глобализирующемся мире должна была бы означать создание условий для мобилизации всех креативных возможностей, существующих в обществе, роста и развития "человеческого капитала", экономической и социальной инициативы, быстрого и последовательного завершения модернизации, прорыва в постиндустриальное будущее. Но это не осуществимо без изменения нынешних отношений между государством и обществом, ликвидации фактической монополии на власть олигархически-бюрократических группировок. Мобилизация сил общества "сверху" — для нашей страны уже пройденный и дискредитированный этап, да нынешняя элита и не способна на это.

Увы, о самоорганизации нашего общества пока можно только мечтать. Ни правящая элита, ни бюрократия могут не опасаться общественного контроля снизу. У нас даже парламент по Конституции РФ почти лишен контрольных функций. Но самое главное — отсутствие привычки населения к солидарности, к совместной, организованной защите своих интересов.

Однако будет ли это состояние пассивности сохраняться и в будущем?

Известно, сколь неожиданными были на рубеже 1980—1990-х годов массовые выступления шахтеров. Такого рода неожиданности могут произойти и в недалеком будущем — протестные настроения, не находящие выхода, накапливаются и могут привести, как это уже было в Воронеже, к более или менее стихийным вспышкам. Однако подобные вспышки, даже многократно повторяясь в разных местах, не могут переломить ход событий. Более того, хаотически выдвигая на первый план те или иные частные интересы, они могут дезорганизовать ситуацию и сыграть на руку адептам авторитарного "порядка". Такого рода стихийная массовая активность в XXI в. — уже анахронизм.

Конструктивную роль низовая активность может сыграть лишь в том случае, если она проявляется в цивилизованных формах, через каналы гражданского общества. Не совсем согласен с Н.Ю.Беляевой, что у нас уже существует гражданское общество. Скорее

мы можем говорить о его отдельных очагах, хотя их уже и немало. Ведь гражданское общество — это не только те или иные структуры, но и *состояние общества*, это доверие между людьми, стремление к групповому объединению, умение проявлять солидарность, понимание своих интересов и готовность их активно отстаивать, учитывая при этом и другие интересы. В нынешней же России очаги гражданского общества погружены в аморфное, апатичное общество. Смогут ли они укрепляться и развиваться дальше?

Я думаю, что это зависит от двух вещей. Во-первых, от того оставит ли развивающийся у нас "моноцентрический", а проще говоря, авторитарный режим какое-то поле для низовой инициативы. Мне кажется, что на этот вопрос можно ответить утвердительно. Теперешнее российское общество настолько неоднородно, а рычаги власти, находящиеся в руках режима, настолько несовершенны, что его контроль над обществом не имеет сейчас и, вероятно, в обозримом будущем не будет иметь всепоглощающего характера. Всегда будут существовать ниши, в которых могут вызревать инициативы как экономического, так и социального и даже социально-политического характера. Будут ли они реально вызревать и какой будет их дальнейшая судьба, очень во многом зависит от деятельности конкретных людей. Вот здесь большой вопрос.

Российское общество устало. Это усталость, накопленная рядом поколений. Та энергия, которая осталась, направляется исключительно на обеспечение индивидуального выживания или преуспевания. Что принесет с собой новое поколение? Мне кажется, — и по-моему, это подтверждают данные социологических обследований, — что пока нет особых оснований для тех, во многом преувеличенных надежд на "первое свободное поколение", которые питали некоторые публицисты, да и серьезные исследователи. Впрочем, я могу ошибаться, да и смена поколений сейчас происходит быстро.

Если с приходом новых поколений проявления гражданской активности все-таки станут более частым явлением, они ускорят накопление частичных изменений в разных сферах жизни, что изменит вектор развития если не во всем обществе, то хотя бы в тех нишах, которые оставляет для них авторитарный режим. И тогда между намерениями наиболее дальновидных представителей элиты и гражданской активностью общества может проскочить та искра, которая послужит запалом серьезных реформ и изменит атмосферу в стране (как это уже было во второй половине 1980-х годов).

Конечно, это маловероятный вариант событий, но в его отсутствие страна, скорее всего, будет и дальше развиваться по нынешней модели.